

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2022.10562

Концепция жанра повести в творчестве Андрея Платонова 1920-х годов

М. В. Заваркина

Петрозаводский государственный университет

(г. Петрозаводск, Российская Федерация)

e-mail: mvnikulina@mail.ru

Аннотация. В статье на материале повестей «Эфирный тракт», «Епифанские шлюзы», «Город Градов», «Сокровенный человек», «Ямская слобода» представлена концепция жанра повести в творчестве А. Платонова 1920-х гг. Структурные возможности традиционного жанра русской литературы позволили писателю отразить современную ему действительность со всеми ее трагическими противоречиями. Жанр повести у Платонова достиг наивысшего расцвета в 1930-е гг., когда были написаны вершинные произведения («Котлован», «Впрок», «Ювенильное море», «Хлеб и чтение», «Джан»). Многие приемы, которые писатель использовал в повестях 1920-х гг., нашли свое воплощение в его произведениях более позднего периода. В статье кратко представлена история изучения жанра повести в русской критике XIX в. и в современных исследованиях. Особое внимание уделено вопросу о жанрообразующих факторах и жанровых признаках платоновской повести, среди которых можно выделить следующие: идейно-философское содержание («объем содержания»), тип повествования, сюжетно-композиционную структуру, концепцию художественного времени и пространства, жанровую концепцию человека, поэтику финала. Опровергается мнение исследователей о том, что повесть Платонова может быть описана языком рассказа или новеллы и что в целом его повести можно назвать новеллистическими. Параболический сюжет «ухода-возвращения», эпическая дистанция, тип повествования, а также жанровая концепция человека («человек и есть сюжет») не позволяют повести Платонова сократиться до новеллы или перерасти в роман. У повести Платонова своя художественная концепция, истоки которой не в европейской новелле, а в традиционном русском жанре повести, которая является «наследницей» древнерусской жанровой традиции. В то же время повесть А. Платонова отвечала запросам современного ему литературного процесса и свидетельствовала о понимании писателем структурных и содержательных возможностей данного жанра.

Ключевые слова: А. Платонов, 1920-е гг., поэтика, жанр, жанровые признаки, повесть, новелла, новеллистическая повесть, роман, притча

Для цитирования: Заваркина М. В. Концепция жанра повести в творчестве Андрея Платонова 1920-х годов // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 1. С. 296–322. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10562

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2022.10562

The Concept of the Short Novel ('Povest') Genre in Andrey Platonov's Creative Work in the 1920s

Marina V. Zavarkina

*Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation)
e-mail: mvnikulina@mail.ru*

Abstract. Based on the material of the short novels (povest') "The Ethereal Tract," "Epiphany Locks," "The City of Gradov," "The Innermost Man," "Yamskaya Sloboda," the article presents the concept of the short novel ('povest') genre in the 1920s works by A. Platonov. The structural possibilities of this traditional genre of Russian literature allowed the writer to reflect the contemporary reality with all its tragic contradictions. The genre of the short novel ('povest') will have reached its peak by the 1930s, when the writer's principal works were written ("The Pit," "For the Future," "Juvenile Sea," "Bread and Reading," "Jan"). Many of the techniques that the writer used in the short novels ('povest') of the 1920s were embodied in the works of Platonov later on. The article briefly presents the history of the study of the genre of the short novel ('povest') in Russian criticism and in modern research. Special attention is paid to the genre-forming factors and genre features of Platonov's short novel ('povest'), among which one can distinguish: ideological and philosophical content ("volume of content"), type of narrative, plot-compositional structure, the concept of artistic time and space, the genre concept of man, the poetics of the finale. The authors refute the opinion of researchers, which states that Platonov's short novels ('povest') can be described in the language of a short story or a novella and that, in general, his short novels ('povest') can be called novelistic. The parabolic plot of the "departure-return", the epic distance, the type of narration, as well as the genre concept of a person ("a person is a plot") do not allow Platonov's short novel ('povest') to be reduced to a novella or grow into a novel. Platonov's short novel ('povest') has its own artistic concept, which is rooted in the traditional Russian short novel ('povest') genre, which is the "heir" of the Old Russian genre tradition, rather than the European novel. The short novel ('povest') of A. Platonov answered the demands of the time, and testified to the writer's understanding of its structural and substantive capabilities.

Keywords: A. Platonov, 1920s, poetics, genre, genre features, short novel, povest', novella, novelistic short novel, novellisticheskaya povest', novel, parable

For citation: Zavarkina M. V. The Concept of the Short Novel ('Povest') Genre in Andrey Platonov's Creative Work in the 1920s. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 296–322. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10562 (In Russ.)

В творчестве Андрея Платонова жанр повести занимает особое место, несмотря на то, что писатель вошел в советскую литературу прежде всего как публицист и поэт, а также как автор многочисленных рассказов. К середине 1920-х гг. Платонов обратился к жанру повести и буквально за пару лет — с 1926 по 1927 гг. — создал пять повестей: «Эфирный тракт», «Епифанские шлюзы», «Город Градов», «Сокровенный человек», «Ямская слобода». Кроме того, он написал повести «Строители страны» и «Происхождение мастера» (первоначальное название «Преходящие годы»), которые вошли в роман «Чевенгур» и стали важным этапом его творческой истории [Корниенко, 2019: 4]. В это же время Платонов задумал лирическую автобиографическую повесть в письмах «Однажды любившие» — своеобразное продолжение «Епифанских шлюзов» (ее эпистолярной части) [Неоконченная повесть...], и повесть о детстве «Дар жизни» [Корниенко, 1993: 118–130]; оба произведения остались незавершенными. Параллельно писатель работал над очерками: в 1928 г. в журнале «Новый мир» вышел очерк «Че-Че-О», в котором Платонов развил тему бюрократизма, начатую еще в повести «Город Градов».

Наивысшего развития жанр повести достиг в творчестве А. Платонова 1930-х гг., когда были написаны вершинные произведения: «Котлован», «Впрок», «Ювенильное море», «Хлеб и чтение», «Джан». Структурные возможности традиционного жанра русской литературы позволили писателю отразить современную ему действительность со всеми ее трагическими противоречиями. Известно, что факторами, влияющими на жанрообразование, являются не только историческая «память жанра», или его «архаика» (М. Бахтин), но и творческая индивидуальность художника, поэтому у повести Платонова есть свои специфические жанровые признаки. Как же складывалась и что представляла собой концепция жанра повести в творчестве писателя второй половины 1920-х гг.?

В платоноведении есть несколько подходов к изучению жанровых приоритетов А. Платонова в целом и к изучению жанра повести в частности. Первые исследователи жанра

повести в творчестве писателя считали, что данный жанр был выбран Платоновым не случайно, т. к. именно рассказы и повести воспринимались писателем «как наиболее органичные, “свои” жанры» [Эйдинова: 128]. По мнению Н. И. Великой, именно повесть, отличающаяся «эпически емким и конструктивно свободным охватом бытия человека и его связей с миром», «оказалась в наиболее гармоничном единении с философичностью Платонова» [Великая, 1972: 72–73]. Л. П. Фоменко придерживается иной позиции и считает, что «эпичность» несвойственна повестям Платонова, т. к. в них нет прямого изображения исторических событий, и находит в повестях писателя черты «философско-психологического повествования» [Фоменко, 1975: 130–131]. Как «философско-психологическое единство» рассматривает повести Платонова и Н. В. Корниенко [Корниенко, 1986]; исследовательница пишет о «жесткой цикличности» прозы Платонова и о романизации как главном жанровом принципе [Корниенко, 1995: 314]. Признаки «романного мышления» находит у Платонова и В. П. Скобелев [Скобелев, 1993: 69].

Жанровому анализу произведений Платонова посвящена диссертация и монография С. И. Красовской «Художественная проза А. П. Платонова: жанры и жанровые процессы» [Красовская]. Исследовательница анализирует процессы циклизации, новеллизации и романизации, происходившие как в литературе начала XX в., так и в творчестве А. Платонова: «Контрапунктом в развитии литературного процесса первой трети XX века стало столкновение больших и малых эпических форм, которое проявило себя в таких жанровых процессах, как новеллизация “больших” эпических жанров (повести и романа), с одной стороны, и романизация “малых” жанров (рассказа, новеллы), циклизация, с другой» [Красовская: 12–13]. С. И. Красовская приходит к выводу, что «жанровой константой» в жанровой системе А. Платонова является не повесть, а рассказ или даже новелла, вследствие чего «жанровая структура» повести и романа у Платонова «может быть описана языком новеллы / рассказа» [Красовская: 14, 26]. С. Красовская выделяет такие жанры в творчестве писателя, как новелла-анекдот, новелла-притча, рассказ-сказание, рассказ-житие,

не отрицая, на первый взгляд, наличие в жанровой системе писателя повести, но, отталкиваясь от понятия В. В. Кожина «новеллистический эпос» [Кожин, 1964а: 101], исследовательница приходит к выводу, что повести Платонова можно назвать скорее «новеллистическими» (см.: [Красовская: 263], [Красовская, Полякова]).

Противоположные, казалось бы, позиции исследователей имеют одно общее рациональное зерно, и оно лежит в основе самого жанра повести. Однако возводить повести Платонова только к романическим или, наоборот, — к новеллистическим, означает — лишать их тех индивидуальных черт, которые присущи произведениям писателя. По мнению Н. В. Корниенко, «одним из оснований для полярных толкований сущности платоновского текста является игнорирование специфики жанрообразования, открытого повестью А. Платонова в истории русской прозы XX в.» [Корниенко, 1988: 72].

Повесть традиционно определяют как самобытный жанр русской литературы¹. В древнерусской литературе этот термин не обозначал жанр, а лишь указывал «на эпический характер произв<едения>, на то, что оно призвано о чем-то объективно п о в е д а т ь» [Кожин, 1968: 814]. Литературные принципы выделения жанров, как указывает Д. С. Лихачев, вступают в силу в XVII веке: усиливается интерес к частной жизни человека, появляется новый герой, в литературе возрастает личностное начало [Лихачев, 1973: 140–160]. Процесс пробуждения

¹ Среди работ, посвященных жанру повести, можно назвать коллективные монографии [Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра] (1973), [Современная русская советская повесть (1941–1970)] (1975) и [Русская советская повесть 20–30-х годов] (1976); монографии А. И. Кузьмина «Повесть как жанр литературы» (1984) [Кузьмин], В. Н. Захарова «Система жанров Достоевского: типология и поэтика» (1985) [Захаров, 1985], А. И. Ванюкова «Русская советская повесть 20-х годов: поэтика жанра» (1987) [Ванюков], Е. А. Суркова «Русская повесть первой трети XIX века (генезис и поэтика жанра)» (1991) [Сурков], В. М. Головки «Поэтика русской повести» [Головки, 1991], «Русская реалистическая повесть: герменевтика и типология жанра» [Головки, 1995], «Повесть как жанр эпической прозы» [Головки, 1997], «Историческая поэтика русской классической повести» [Головки, 2010], С. А. Тузкова «Русская повесть начала XX века. Жанрово-типологический аспект» (2011) [Тузков], Н. Д. Тамарченко «Русская повесть Серебряного века (проблемы поэтики сюжета и жанра)» (2007) [Тамарченко], а также сборник статей [Русская повесть как форма времени] (2002).

личности, открытый повестью XVII в., «новая концепция действительности, человека и его судьбы» отразились и на повести второй пол. XVIII — первой трети XIX в. [Захаров, 1985: 14–15].

Изучение повести началось в XIX веке, однако «использование критиками терминов “роман”, “повесть”, “рассказ”» тогда казалось «хаотичным и непоследовательным» [Дворецкий: 165]. Один из первых исследователей повести, В. В. Сиповский, видел возможную причину этой путаницы в отсутствии критериев определения и быстром развитии жанра романа [Сиповский: II, X], см. также: [Захарова: 165]. В. Н. Захаров утверждает, что возможность различения повести и романа появилась тогда, когда произошла «дифференциация их жанрового содержания <...> повесть 30–40-х годов обратилась к исследованию конфликта “маленького человека” с государством и обществом» [Захаров, 1985: 17].

Критическое осмысление повести началось в статьях В. Г. Белинского, который определил своеобразие повести и ее отличие от романа: «...повесть — распавшийся на части <...> роман; глава, вырванная из романа» [Белинский, 1976: 150], однако, «несмотря на попытки разграничения романа и повести, в критической практике Белинский не следовал своим теоретическим установкам» [Захарова: 167]. Именно с В. Г. Белинского закрепилось определение повести как срединного жанра между романом и рассказом, заимствующего многие их черты. Это в свою очередь вызывало затруднения в определении жанра литературного произведения как критиками, так и самими писателями, что отметил М. Петровский в словарной статье о повести, вышедшей в 1925 г.: «Повесть — род эпической поэзии, в русском литературном обиходе противопоставляемый обычно роману, как более крупному жанру, и рассказу, как жанру меньшему по объему. Однако применение этих трех наименований у отдельных писателей настолько разнообразно и даже случайно, что приурочить каждое из них, как точные терминологические обозначения, к определенным эпическим жанрам крайне затруднительно» [Петровский: 596]. Яркий пример — И. С. Тургенев, который в переписке нередко называл свои повести «маленькими романами»,

«большими романами», а иногда — новеллами. В частности, о повести «Вешние воды» он писал: «...я должен был закончить переписку целого маленького романа», «этот “большой роман” в сущности представляет собою не особенно большую новеллу»². По мнению С. И. Кормилова, Тургенев чаще называл свои романы повестями, и лишь после утверждения жанра романа «как высшего достижения национальной культуры» в творчестве Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского он начал называть свои повести романами [Кормилов: 752]. Отсутствие четких критериев выделения приводит к тому, что до сих пор «отнесение того или иного произведения к жанру повести требует» от исследователя «дополнительных аргументаций» ([Головко, 2010: 14], [Тузков: 7]). Однако определенные жанрообразующие факторы (историческое время, индивидуальность художника, его творческий метод и др.) помогают обозначить жанровые границы и жанровый «объем» повести в творчестве отдельного писателя.

Начиная с древнерусской литературы, под словом «повесть» подразумевалось множество различных жанров: летопись, Слово, хроника, исторический роман, житие и др. — и подобное «жанровое наследие» повести не прошло бесследно для ее структуры и содержания. К середине XIX в. повесть вбирает в себя свойства других жанров эпической прозы (очерка, рассказа, новеллы, романа), развивая свои структурные возможности и доказывая способность к синтезу [Тузков: 9–10]. О «синтетичности» повести писал и В. М. Головко [Головко, 2010: 74]. Такой подход, базирующийся на синтетичности как главном признаке повести, оказывается более продуктивным и закономерным для анализа ее жанровой структуры, границ и возможностей, чем выделение канонических и неканонических жанров в концепции Н. Д. Тамарченко. Повесть отнесена исследователем к каноническому жанру, канон которого начал складываться «в период от Пушкина до начала 1890-х гг.» [Тамарченко: 16], что противоречит самой идее синтеза.

² Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. Письма: в 13 т. М.; Л.: Наука, 1965. Письма. Т. 9. С. 402, 137 (подробнее см.: [Новикова: 17–18]).

Любой жанр — это единство формы и содержания. Существенные и несущественные (факультативные) жанровые признаки пытался обозначить В. В. Кожин, однако исследователь указывал на их «взаимопереходность»: так «объем и охват материала» («объем содержания»)³, по его мнению, «существенный жанровый признак, но он играет определяющую роль лишь тогда, когда ярко выражен», т. е. в конкретном произведении он может стать несущественным [Кожин, 1968: 814]. В. Н. Захаров считает, что у «каждого эпического жанра своя исторически сложившаяся концепция» [Захаров, 1984а: 17]. Среди жанровых признаков повести исследователь называет тип повествования (повесть — «весть о былом, о том, что уже произошло»), концепцию повествовательного времени («для повести свойственна эпическая дистанция»), определенную сюжетно-композиционную структуру и «объем содержания», т. к. «у каждого жанра свои возможности художественного освоения действительности». Однако, вслед за В. В. Кожин, В. Н. Захаров отмечает, что по «объему содержания» «нередко невозможно» отличить «повесть от романа» [Захаров, 1984а: 18]. Важное значение для жанрового анализа повести приобретает и поэтика финала: согласно П. Н. Медведеву, каждый жанр характеризуется своим особым способом «завершения» действительности [Медведев: 199–200], см. также: [Кожин, 1964b: 915–916], [Захаров, 1984а: 18; 1985: 10].

Делая вывод из вышесказанного, мы не можем согласиться с двумя высказываниями. Во-первых, с тем, что повесть в целом — это «канонический» жанр [Тамарченко: 16]; во-вторых, с тем, что «жанровым контрапунктом» в творчестве Платонова является рассказ (или даже новелла) и что все повести писателя можно «описать» «языком» рассказа / новеллы и назвать их новеллистическими [Красовская: 21, 263].

Основная проблема состоит в том, что исследователи часто не обращают внимания на авторские определения жанра, а именно «в индивидуальном творчестве отдельных писателей осуществляется развитие, изменение всех жанровых форм»

³ О «сущности и объеме самого содержания», по которым разграничиваются повесть и роман, писал В. Г. Белинский [Белинский, 1978: 327].

[Кожин, 1964b: 915]. О важности авторского определения жанра пишет В. Н. Захаров, анализирующий повесть Л. Леонова «Evgenia Ivanovna»: «В этом произведении Л. Леонова есть все признаки образования сюжетно-композиционной структуры романа <...>, но по типу завершения и авторскому определению это сугубо национальный жанр русской литературы — повесть, причем такое жанровое определение произведения глубоко содержательно и идеологично у Л. Леонова: “роман” Евгении Ивановны превращается в поэтичном завершении сюжета в повесть об утраченной Родине, возникает “эпическая дистанция” (настоящее без будущего становится прошлым)...» [Захаров, 1984а: 19]. По сути, Леонов написал повесть, которая больше и выше романа, а «подобные жанровые определения самих писателей <...> содержательны; включенные в название произведения, они становятся значимым элементом художественной структуры текста, несут в себе дополнительный художественный смысл» [Захаров, 1984а: 19]. Вместе с тем, по словам О. В. Захаровой, «за редким исключением многие критики до сих пор плохо различают повесть и роман: путаются в жанровых дефинициях, дают разные номинации одному и тому же произведению, ошибаются в суждениях по истории и теории жанров» [Захарова: 165]. Именно потому, что ученые игнорируют авторскую волю, «Котлован» Платонова становится в некоторых исследованиях романом⁴, вопреки авторскому определению, появившемуся уже на этапе рукописи, — повесть⁵.

Несмотря на то, что в количественном отношении рассказы преобладают в творчестве А. Платонова, нельзя утверждать, что все его повести можно «описать» их «языком» [Красовская: 21]. Наоборот, его рассказы нередко «стремятся стать» повестями (например, повесть «Город Градов» в первоначальной редакции была рассказом (подробнее об этом см.: [Матвеева: 266])), а романы складываются из повестей (подробнее см.: [Корниенко, 1995: 314], [Заваркина, 2016: 408]). Утверждать

⁴ В частности, романом-мифом называет повесть «Котлован» Л. В. Ярошенко [Ярошенко].

⁵ См.: Динамическая транскрипция рукописи «Котлована» // Платонов А. Котлован. Текст. Материалы творческой истории. СПб.: Наука, 2000. С. 169.

обратное, значит, во-первых, не обращать внимания на тот факт, что писатель чаще всего определял жанр своих произведений на этапе рукописи или машинописи⁶, во-вторых, упускать из виду то, что сама возможность расширения «жанровых границ» от рассказа до повести («Город Градов») свидетельствует о том, что Платонов обладал жанровым «чутьем» и хорошо знал внутреннюю меру того или иного жанра. Так, в отличие от рассказов, в повестях А. Платонова более развернутым становится сюжет, увеличивается количество персонажей, меняется проблематика.

Среди жанрообразующих признаков повести Платонова, на основе которых складывается концепция этого жанра в его творчестве 1920-х, а позже и 1930-х гг., можно назвать следующие: идейно-философское содержание («объем содержания»), тип повествования, концепция художественного времени и пространства, сюжетно-композиционная структура, жанровая концепция человека, поэтика финала. В понятие «объем содержания» мы включаем идейно-философское содержание, тематику и проблематику произведения. П. Н. Медведев считал, что «каждый жанр по-своему тематически ориентируется на жизнь, на ее события, проблемы» [Медведев: 201]. Так, повесть «Котлован», которая нередко определяется исследователями как роман, так как, действительно, в структурно-типологическом отношении сближается, например, с производственным романом 1920–1930-х гг., все-таки из социального «романа о строительстве» превращается в философскую повесть о поиске истины⁷. По мнению Н. П. Утехина, сами по себе проблематика и тематика не могут быть жанрообразующими факторами [Утехин: 17], однако нельзя забывать, что возможность жанровой дифференциации повести и романа в XVIII — начале XIX вв. стала возможной именно благодаря

⁶ Подробнее см.: [Заваркина, 2016: 405]. Повесть «Эфирный тракт» уже в машинописи имела подзаголовок «фантастическая повесть» [Комментарии: 474], а в примечании к заглавию повести «Сокровенный человек», сказано, что это именно повесть (Платонов А. П. Сочинения. Т. 2. 1926–1927 гг. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 147. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках).

⁷ Анализ повестей Платонова 1930-х гг. в зависимости от их проблематики см.: [Заваркина, 2015a].

произошедшей «дифференциации их жанрового содержания» [Захаров, 1985: 17].

В повестях 1920-х гг. писатель как будто ищет себя и пробует разные типы повестей в зависимости от их содержания — фантастическую («Эфирный тракт»), историческую («Елифанские шлюзы»), сатирическую («Город Градов»), философскую («Сокровенный человек»), автобиографическую («Ямская слобода», «Дар жизни»), лирическую («Однажды любившие»). По мнению Н. В. Корниенко, «в каждом из произведений он брал содержание из новой сферы жизни и последовательно искал новые формы художественного воплощения» [Корниенко, 2015: 41]. Разделение повестей Платонова на типы достаточно условно. Так, все его произведения в той или иной степени можно назвать автобиографическими: многим героям писатель дарит свои изобретения, а некоторым и свою биографию. Однако если в повести «Ямская слобода» и «Однажды любившие» Платонов обращается к событиям собственной биографии, то в процессе работы над «Городом Градовым», несмотря на автобиографизм, писатель придавал повести «не частное, а государственное звучание» [Матвеева: 280]. То же самое можно сказать и о фантастике, которая проникает даже во вполне реалистическую сатирическую повесть «Город Градов». В данной повести наблюдаем «синтез фантастики с бытом» (выражение Е. Замятина, касающееся современной ему литературы в целом [Замятин: 506]); она открывает «направление сатиры Платонова, вплоть до знаменитой повести “Впрок”» [Комментарии: 464]. Кроме того, все повести писателя философичны по своей природе, что, однако, отвечало запросам времени. Так, по мнению Н. А. Грозновой и В. В. Бузник, именно жанр повести в 20-е гг. XX в. взял на себя «ответственность за судьбы идейно-эстетического осмысления эпохи» [Грознова, Бузник: 111]. Жанровая специфика русской повести в начале XX в., как считает Л. П. Фоменко, «претерпела разительные перемены», связанные с переменами в общественной и социальной жизни: жанровой доминантой повестей становится «философское осмысление истории и человеческой судьбы» [Фоменко, 1975: 130–131]. Жанровая природа повести оказалась наиболее близкой

к философичности Платонова и по мнению Н. Великой [Великая, 1972: 73]. Начиная с повести «Сокровенный человек», которая имела первоначальное название «Страна философов», в творчестве Платонова появится и приобретет специфические черты традиционный образ героя-странника и философа из народа. Так, в Фоме Пухове Н. В. Корниенко видит прообраз всех других героев-искателей истины в творчестве Платонова (подробнее см.: [Корниенко, 1993: 54]).

Повести Платонова 1920-х гг. исследуют разные временные пласты: будущее («Эфирный тракт»), прошлое («Епифанские шлюзы»), настоящее («Город Градов», «Ямская слобода», «Сокровенный человек»), однако это время тоже достаточно условно, так как, обращаясь в будущее или прошлое, писатель все равно осмысливает настоящее или недалекое, еще не устоявшееся прошлое. Как справедливо считает В. Н. Захаров, «событие в повести всегда мыслится в прошлом, если даже оно отнесено к настоящему или будущему» [Захаров, 1985: 65].

Сюжет в повестях Платонова имеет в своей основе ситуацию «испытания»⁸. В отличие от повестей 1930-х гг., в повестях 1920-х гг. испытание героя пока не приводит его к прозрению⁹, однако писатель пунктирно намечает те внутренние изменения, которые происходят, например с Михаилом Кирпичниковым, Фомой Пуховым или Филатом. Уже в советское время отмечалось, что в повестях Платонова отсутствует сюжет как определенная цепь событий, мотивированных действиями героя, и что сюжет у Платонова «не имеет жесткой компоновки» [Великая, 1974: 35], [Фоменко, 1980: 90]. Тем не менее это не означает, что сюжет как «универсальная категория поэтики» [Захаров, 1984b: 136] не был значим для писателя. Важным для Платонова становится развитие «сюжета второго смысла»¹⁰,

⁸ М. Геллер, например, определяет творчество А. Платонова как «испытание утопии» прошлого, настоящего и будущего [Геллер: 63]. Об «испытании» как доминанте жанра русской повести начала XX в. пишет Н. Д. Тмарченко [Тмарченко: 11–13].

⁹ О мотиве прозрения как завершении произведений Платонова 1930-х гг. см.: [Турбин], [Заваркина, 2015a: 562].

¹⁰ В статье «Пушкин — наш товарищ» (1937) Платонов писал об особом подходе поэта к решению темы «Медного всадника» — не логическим «сюжетным» путем, а «способом второго смысла», когда «решение достигается не действием персонажей, а всей музыкой, организацией про-

и здесь его повесть близка в какой-то степени повестям Н. В. Гоголя, по поводу которых В. М. Маркович писал, что для них свойственен «второй сюжет» [Маркович: 24]. «Второй сюжет» будет более актуальным для повестей Платонова 1930-х гг., когда из-за цензуры и автоцензуры писатель был вынужден уходить в подтекст, второй план, используя метафоричность как образов, так и сюжета (например, сюжета строительства в повестях «Котлован», «Впрок», «Ювенильное море»).

Сюжет в повестях Платонова является по структуре своей хроникальным, когда «эпизоды <...> следуют друг за другом по принципу хроники», что является одним из признаков жанра повести [Кожин, 1968: 815] (хотя иногда и факультативным). Так, уже эпиграфом к повести «Город Градов» Платонов подчеркивал жанровую задачу повести — рассказывать о событиях в том порядке, как они произошли: «Мое сочинение скучно и терпеливо, как жизнь, из которой оно сделано» (116). Писатель сознательно отказывается от романного типа сюжета, выдвигая в центр повествования одного героя и описывая лишь ряд событий из его жизни [Кожин, 1968: 814], [Великая, 1974: 37]. Для повестей Платонова 1930-х гг. характерен сюжет «ухода-возвращения», то есть хроникально-концентрический сюжет¹¹, а для повестей 1920-х гг. больше свойствен сюжет «ухода»: это либо уход из дома («Сокровенный человек», «Ямская слобода»), либо уход из жизни («Эфирный тракт», «Епифанские шлюзы», «Город Градов»). Конечно, если рассматривать финал повестей Платонова в более широком философском смысле, то можно сделать вывод, что он в любом случае содержит элемент возвращения. Так, Н. М. Малыгина считает, что герой повести «Сокровенный человек» возвращается в «исходную точку, с которой начиналось движение сюжета», и что «сюжеты многих произведений» писателя строятся по «модели возвращения» [Малыгина: 13]. Путь Фомы

изведения — добавочной силой, создающей в читателе образ автора» (Платонов А. П. Фабрика литературы. Литературная критика, публицистика / сост., комментарии Н. В. Корниенко; подгот. текста Н. В. Корниенко и Е. В. Антоновой. М.: Время, 2011. С. 78).

¹¹ Более подробно о совмещении в повести как жанре хроникального и концентрического (или циклического) сюжета см.: [Головкин, 1991: 69], [Тамарченко: 21].

Пухова намечен пунктирно: он весь в движении, а потому неуловим, весь в действии, но, несмотря на это, постоянно отбрасывается назад, к началу пути. В этом Платонов, наверное, видел суть жизни человека революционной эпохи. И именно жанр повести со своим акцентом на завершенном, прошлом времени стал попыткой Платонова это разомкнутое пространство («пространство ухода») объять, понять, заключить в сюжет. В повести «Епифанские шлюзы» Платонов, наоборот, «значительно раздвигает временные рамки повествования, выстраивая свое произведение по законам древнерусской литературы» [Васильев: 83]. В «Эфирном тракте» Платонов также использует большой промежуток времени, обращается к разным этапам жизни Михаила Кирпичникова, а затем и вовсе переходит к жизнеописанию его сына. При таком построении сюжета возрастает композиционная роль образа дороги, которая, в свою очередь, начинает рассматриваться как «разматывающаяся метафора жизни» [Скобелев, 1994: 204]. А. Платонова, прежде всего, интересует судьба человека в меняющихся обстоятельствах — как признавался писатель: «Человек и есть сюжет»¹².

С. Красовская, отталкиваясь от особенностей построения сюжета в повестях Платонова, приходит к выводу, что в данном случае «мы имеем дело с жанровым архетипом дореалистической авантюрной новеллы путешествий, а сама повесть в целом генетически соотносится с “новеллистическим эпосом”» [Красовская: 321]. Среди новеллистических черт исследовательница называет «анекдотический дискурс» и кумуляцию как особый способ «сюжестроения» [Красовская: 321, 247]. Кумулятивный сюжет, для которого характерен принцип низывания эпизодов, а также «самораскрытие» стихии жизни, присутствует в повестях Платонова — иногда он может парадоксальным образом сочетаться с хроникальным и центрическим сюжетом, как, например, в повести «Впрок» (подробнее см.: [Заваркина, 2015b]). Однако это следствие, на наш взгляд, не новеллистического мышления, а влияния на повесть

¹² Платонов А. Краткий план романа «Зреющая звезда» / подгот. текста Е. И. Колесниковой // Творчество Андрея Платонова: исследования и материалы. СПб.: Наука, 1995. С. 243.

Платонова жанра очерка¹³. Кроме того, и для жанра повести характерно «само по себе развертывание, расширение многообразия мира по мере простого течения жизни во времени, или смена впечатлений повествователя, видящего все новые и новые сцены, новых людей, или, особенно явная форма, — появление иных картин и персонажей в пути, в дороге или странствиях» [Кожин, 1968: 815]. В. М. Головкин тоже считает, что самораскрытие стихии жизни может быть и чертой повести как жанра: «повесть — жанр повествовательный, и эпическое начало предполагает воссоздание в ней “самодвижения” жизни» [Головкин, 2010: 77].

Исследователи различают жанр анекдота и анекдотизм в творчестве писателя ([Голубков: 125–126], [Красовская: 37]). Однако, по мнению С. Красовской, «анекдот как протожанр и форма нарративного дискурса определяет ряд фенотипических черт платоновской повести», это «особый тип жанровой структуры» [Красовская: 330–331]. На наш взгляд, и то, и другое, скорее всего, не является у Платонова жанровым признаком — это особенность повествования, а также сатирический прием. Использует Платонов и другие сатирические приемы: иронию, гротеск, совмещение фантастики и быта. Нередко в пределах сцены или эпизода писатель прибегает к коммуникативной стратегии анекдота, для которой характерен «сдвиг точек зрения», когда «все происходящее воспринимается сначала с одной точки зрения, а потом неожиданно оказывается, что воспринимать надо было с совершенно другой (то есть рассказчик стоит на другой позиции)» [Успенский: 211]. Этот прием ляжет и в основу «утопии-антиутопии» Платонова [Гюнтер: 5], Е. Яблоков называет данный художественный механизм текстов Платонова «и так, и обратно»: он создает «эффект амбивалентного, “лирико-сатирического” авторского отношения к изображаемому» [Яблоков: 14]. Можно добавить, что Платонов использует

¹³ Жанр очерка, для которого характерна своего рода «случайная событийность», сопровождает почти все повести Платонова 1920–1930-х гг. Повесть «Котлован» и вовсе написана на оборотных листах машинописи с очерком «В поисках будущего (Путешествие на Каменскую писчебумажную фабрику)». Одни и те же идеи Платонов проговаривает в разных жанрах: «прямолинейно» — в жанре очерка, завуалированно — в жанре повести.

прием «ложной этической оценки», характерный, например, для произведений Н. С. Лескова [Лихачев, 1981].

Для того чтобы повесть не превратилась в «бессвязную цепь разнокалиберных эпизодов», ведущую роль в ней играет автор: «голос автора, повествователя художественно необходим», «ибо именно он создает единство, цельность, структуру» повести [Кожин, 1968: 815]. Важность голоса автора для жанра повести отмечал и Д. С. Лихачев: «Из всех прозаических жанров повесть ближе всего к лирике¹⁴ <...>. В повести <...> читателя по преимуществу ведет автор» [Лихачев, 1984: 3]. По справедливому наблюдению И. А. Юртаевой, повесть, как правило, «начинает занимать ведущее место в литературном процессе и выходит на первый план в те периоды развития общества, когда требуется ясность и однозначность авторской позиции» [Юртаева: 194]. Несмотря на то, что Платонов в повестях иногда использует фигуру рассказчика, который становится «посредником» между автором и читателем, а также использует коммуникативную стратегию анекдота (с переменной точек зрения), именно авторский голос почему-то был «более слышим», скажем, для такого читателя, как Сталин, которому все это не помешало увидеть, например, в повести «Впрок» четкую авторскую позицию. Д. С. Лихачев в статье «Ложная этическая оценка у Н. С. Лескова» замечает, что «образ рассказчика, будь то Белкин в повестях Пушкина, Максим Максимыч в “Герое нашего времени” Лермонтова, хроникер или подросток — Долгорукий у Достоевского, всегда в каком-то отношении ниже не только автора, но и читателя», и что «читатель “чувствует” точку зрения автора, как бы он ее ни маскировал» [Лихачев, 1981: 158].

Несмотря на то, что в повести как жанре читателя по преимуществу ведет автор, мы не можем сказать, что в повестях Платонова присутствует установка на авторитарное авторское слово, характерное, например, для жанра притчи. А именно черты этого жанра находили и находят в повестях Платонова исследователи ([Великая, 1974: 32], [Фоменко, 1980: 99], [Красовская: 40]

¹⁴ Как признавался повествователь «Эфирного тракта», цель науки — «трагедию жизни» превратить в «лирику» (18), это могло бы стать и целью самой повести Платонова как жанра.

и многие другие). С одной стороны, анекдотизм не дает повести Платонова превратиться в притчу, в некое назидание, хотя иносказательность, характерную для жанра притчи, Платонов активно использует. С другой стороны, параболический сюжет «ухода-возвращения»¹⁵, эпическая дистанция, жанровая концепция человека («человек и есть сюжет») не позволяют повести Платонова сократиться до новеллы или перерасти в роман¹⁶. Н. Я. Берковский, анализируя «Повести Белкина» А. С. Пушкина, сделал следующее наблюдение: «Повесть Пушкина колеблется между притчей и новеллой» [Берковский: 339]. Исследователь, однако, пришел к выводу, что «в России бедна почва для произведений этого жанра; они говорят и о другом — о русской почве для чего-то высшего, чем новелла, о почве для эпоса» [Берковский: 265]. С. А. Тузов среди «пределов» повести называет с одной стороны древнерусскую повесть, с другой — притчу и новеллу [Тузов: 10]. Данное наблюдение очень важно, т. к. повесть Платонова, хоть и балансирует между указанными полюсами, все-таки, на наш взгляд, склоняется к первому.

С. Красовская, наоборот, считает, что повесть Платонова ближе к европейской новелле, чем, например, к древнерусскому жанру хождений: «Несмотря на то, что сюжетная канва повести выстроена на передвижении героя в географическом пространстве, ее саму к классическому жанру путешествия, основанному на архетипе хождения, причислить нельзя» [Красовская: 320]. Причину этого исследовательница видит в том, что в финале произведений Платонова не происходит изменение «коренных» черт героя [Красовская: 321]. Это утверждение нам кажется не совсем верным. Повесть как жанр традиционно сосредоточена на жизни героя и его судьбе (исключение составляет, пожалуй, только чеховский рассказ, который способен был вместить в себя содержание целой повести), что объясняет выбранную писателем жанровую концепцию человека. Платоновский герой 1920-х гг.

¹⁵ Так, Г. Галасьева выделяет в структуре сюжета повестей Платонова параболическое повествование и парадигму волшебной сказки [Галасьева].

¹⁶ В. М. Головкин, говоря о жанре повести в целом, указывает: «Жанровая “концепция человека”, жанроформирующие факторы, “особый тип строить и завершить целое” диктуют свои эстетические законы и не дают повести “перерасти” в роман» [Головкин, 2010: 73].

«восходит к традиционному в русской литературе типу “маленького человека” и принципиально от него отличается» [Фоменко, 1970: 45–46]. Несмотря на сюжет «ухода» или «ухода-возвращения», герой Платонова внутренне не остается прежним. Это невозможно в тех условиях меняющейся действительности, в которые он поставлен. Так, в повестях «Сокровенный человек» и «Ямская слобода» происходит как бы взросление «маленького человека», Пухова и Филата. Образ «маленького человека» возвращает нас к традициям русской повести XIX в. — повести Пушкина, Гоголя и Достоевского. Платонов обращается не только к образу человека из народа, но и к образам героев-странников, ученых, инженеров-преобразователей, которые писатель объединяет в единое целое, показывая их трансформацию.

По мнению Ю. Тынянова, в 1920-е гг. жанровые границы стали размываться и «исчезло ощущение жанра», а «“рассказ”, “повесть” <...> больше» не ощущались «как жанр» [Тынянов: 150]. Однако повесть А. Платонова свидетельствует о достаточно четком представлении писателя по поводу структурных и содержательных возможностей данного жанра. Жанр повести был выбран Платоновым неслучайно. И дело не только в особой «синтетичности» повести, позволявшей писателям соединять «в одном произведении романную емкость, очерковую документальность, новеллистическую остроту, мифологическую универсальность, научную точность и объективность» [Тузков: 275]. У повести Платонова своя художественная концепция, истоки которой — в традиционном русском жанре повести, являющейся «наследницей» древнерусской жанровой традиции. Для А. Платонова повесть стала тем жанром, в котором с наибольшей силой выразились основные идеи его творчества.

Список литературы

1. Белинский В. Г. О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород») // Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1976. Т. 1. С. 138–184.
2. Белинский В. Г. Разделение поэзии на роды и виды // Белинский В. Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1978. Т. 3. С. 294–350.
3. Берковский Н. Я. О «Повестях Белкина» (Пушкин 30-х годов и вопросы народности и реализма) // Берковский Н. Я. Статьи о литературе. М.: Л.: ГИХЛ, 1962. С. 242–356.

4. Ванюков А. И. Русская советская повесть 20-х годов: поэтика жанра. Саратов: Изд-во СГУ, 1987. 199 с.
5. Васильев В. В. Андрей Платонов. Очерк жизни и творчества. М.: Современник, 1982. 230 с.
6. Великая Н. И. Жанр повести в творчестве А. Платонова 20-х годов // Проблемы литературных жанров: материалы науч. межвуз. конф. Томск, 1972. С. 72–75.
7. Великая Н. И. Творчество Андрея Платонова 20-х годов и проблема повествования // Некоторые проблемы русской и зарубежной литературы. Владивосток, 1974. С. 29–45.
8. Галасьева Г. В. Мотив «ухода-возвращения» в прозе А. Платонова // Проблемы поэтики языка и литературы. Петрозаводск, 1996. С. 132–135.
9. Геллер М. Андрей Платонов в поисках счастья. М.: МИК, 2000. 432 с.
10. Головкин В. М. Поэтика русской повести. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1991. 192 с.
11. Головкин В. М. Русская реалистическая повесть: герменевтика и типология жанра. М.; Ставрополь, 1995. 439 с.
12. Головкин В. М. Повесть как жанр эпической прозы. М.; Ставрополь, 1997. 118 с.
13. Головкин В. М. Историческая поэтика русской классической повести. М.: Флинта, Наука, 2010. 280 с.
14. Голубков С. Анекдотическое в прозе А. Платонова // Андрей Платонов: исследования и материалы: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 1993. С. 125–136.
15. Грознова Н. А., Бузник В. В. Повесть 20-х годов // Русская советская повесть 20–30-х годов. М.: Наука, 1976. С. 73–217.
16. Гюнтер Х. По обе стороны от утопии: контексты творчества А. Платонова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 216 с.
17. Дворецкий А. В. Проблема литературных жанров в русской критике «накануне Белинского» // Дворецкий А. В. Избранное. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2005. С. 157–169.
18. Заваркина М. В. Жанровая стратегия в повестях А. Платонова 1930-х годов // Проблемы исторической поэтики. 2015. Вып. 13. С. 554–569 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1456407233.pdf (01.10.2020). DOI: 10.15393/j9.art.2015.3402 (a)
19. Заваркина М. В. Жанровый синтез в повести А. Платонова «Впрок» // Проблемы исторической поэтики. 2015. Вып. 13. С. 589–612 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1456408482.pdf (10.09.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2015.3401 (b)
20. Заваркина М. В. Андрей Платонов в поисках жанра // Проблемы исторической поэтики. 2016. Вып. 14. С. 403–416 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482406175.pdf (10.09.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2016.3941
21. Замятин Е. О синтетизме // Замятин Е. Мы. Роман, повести, рассказы, пьесы, статьи и воспоминания. Кишинев, 1989. С. 503–510.
22. Захаров В. Н. К спорам о жанре // Жанр и композиция литературного произведения / отв. редактор М. М. Гин. Петрозаводск, 1984. С. 3–19. (a)

23. Захаров В. Н. О сюжете и фабуле литературного произведения // Принципы анализа литературного произведения: сб. ст. / под ред. П. А. Николаева, А. Я. Эсалнек. М., 1984. С. 130–136. (b)
24. Захаров В. Н. Система жанров Достоевского: типология и поэтика. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. 208 с.
25. Захарова О. В. Проблема жанровой дифференциации повести и романа в полемике о Достоевском в 1840-е годы // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 164–174 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1562066212.pdf (01.08.2021). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6802
26. Кожин В. В. Роман — эпос нового времени // Теория литературы: основные проблемы в историческом освещении: в 3 т. М.: Наука, 1964. Т. 2: Роды и жанры литературы. С. 97–172. (a)
27. Кожин В. В. Жанр // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. М.: Советская энциклопедия, 1964. Т. 2. Стб. 914–917. (b)
28. Кожин В. В. Повесть // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. М.: Советская энциклопедия, 1968. Т. 5. Стб. 814–816.
29. Комментарии // Платонов А. П. Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2016. Т. 2: 1926–1927 гг. С. 449–681.
30. Кормилов С. И. Повесть // Литературная энциклопедия терминов и понятий / глав. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М.: Интелвак, 2001. Стб. 752–753.
31. Корниенко Н. В. Повесть А. Платонова как философско-психологическое единство // Целостность художественного произведения. Л., 1986. С. 27–37.
32. Корниенко Н. В. Жанровое своеобразие повести А. Платонова // Взаимодействие метода, стиля и жанра в советской литературе: сб. науч. тр. Свердловск, 1988. С. 71–80.
33. Корниенко Н. В. Неоконченная повесть о детстве: текст и контекст // Корниенко Н. В. История текста и биография А. П. Платонова (1926–1946). Здесь и теперь. 1993. № 1. Б. м. С. 119–129.
34. Корниенко Н. В. Повествовательная стратегия Платонова в свете текстологии // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: Наследие, 1995. Вып. 2. С. 312–335.
35. Корниенко Н. В. «Болдинская осень» А. Платонова: Тамбов в жизни и творчестве писателя // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 5 (145). С. 35–44.
36. Корниенко Н. В. Принципы издания // Архив А. П. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Книга 2: Описание рукописи романа «Чевенгур». Динамическая транскрипция. С. 3–8.
37. Красовская С. И. Художественная проза А. П. Платонова: жанры и жанровые процессы. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2005. 392 с.
38. Красовская С. И., Полякова Л. В. Новеллистическая повесть А. Платонова «Сокровенный человек»: конфликт малой и большой эпической форм // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2005. Вып. 3 (39). С. 70–74.

39. Кузьмин А. И. Повесть как жанр литературы. М.: Знание, 1984. 111 с.
40. Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. СПб.: Наука, 1973. 256 с.
41. Лихачев Д. С. «Ложная» этическая оценка у Н. С. Лескова // Лихачев Д. С. Литература-реальность-литература. Л.: Сов. писатель, 1981. С. 158–165.
42. Лихачев Д. С. Неравнодушная проза // Кузьмин А. И. Повесть как жанр литературы. М.: Знание, 1984. С. 3–4.
43. Малыгина Н. М. А. Платонов: поэтика «возвращения». М.: ТЕИС, 2005. 334 с.
44. Маркович В. М. И. С. Тургенев и русский реалистический роман XIX в. (30–50-е годы). Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 208 с.
45. Матвеева И. И. Становление Платонова-сатирика (опыт текстологического анализа повести «Город Градов») // Творчество Андрея Платонова: исследования и материалы. СПб.: Наука, 2008. Кн. 4 / отв. ред. Е. И. Колесникова. С. 264–280.
46. Медведев П. Н. Собр. соч.: в 2 т. / изд. подгот. Ю. П. Медведев и Д. А. Медведева; отв. ред. Б. Ф. Егоров. СПб.: Росток, 2018. Т. 2: Поэтика и психология творчества. 928 с.
47. Неоконченная повесть в письмах «Однажды любившие» / публ. Е. Рожнецовой // Архив А. П. Платонова. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Книга 1. С. 16–22.
48. Новикова Е. Г. Проблема малого жанра в эстетике И. С. Тургенева // Проблемы метода и жанра. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1978. С. 13–20.
49. Петровский М. Повесть // Литературная энциклопедия: словарь литературных терминов: в 2 т. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. Т. 2. Стб. 596–603.
50. Русская повесть XIX века: история и проблематика жанра. Л.: Наука, 1973. 565 с.
51. Русская повесть как форма времени. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. 340 с.
52. Русская советская повесть 20–30-х годов. М.: Наука, 1976. 254 с.
53. Сиповский В. В. Из истории русского романа и повести. СПб., 1903. Ч. 1. XVIII век. 351 с.
54. Скобелев В. П. Поэтика пародирования в повести А. Платонова «Котлован» // Андрей Платонов: исследования и материалы. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. С. 61–71.
55. Скобелев В. П. В надежде на живые души (повесть «Впрок» в контексте жанровых исканий писателя) // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М.: Наследие, 1994. С. 204–217.
56. Современная русская советская повесть (1941–1970). Л.: Наука, 1975. 264 с.
57. Сурков Е. А. Русская повесть первой трети XIX века: генезис и поэтика жанра. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1991. 160 с.
58. Тамарченко Н. Д. Русская повесть Серебряного века (проблемы поэтики сюжета и жанра). М.: Intrada, 2007. 255 с.

59. Тузков С. А. Русская повесть начала XX века. Жанрово-типологический аспект. М.: Флинта, Наука, 2011. 304 с.
60. Турбин В. Н. Мистерия А. Платонова // Молодая гвардия. 1965. № 7. С. 293–307.
61. Тынянов Ю. Н. Литературное сегодня // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 150–166.
62. Успенский Б. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000. 352 с.
63. Утехин Н. П. Жанры эпической прозы. Л.: Наука, 1982. 185 с.
64. Фоменко Л. П. К вопросу о концепции героя в творчестве А. Платонова 20-х гг. // Творчество А. Платонова: статьи и сообщения. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1970. С. 45–55.
65. Фоменко Л. П. Жанровая специфика повестей А. П. Платонова 20-х годов // Проблемы литературных жанров: материалы второй науч. межвуз. конф. Томск, 1975. С. 130–132.
66. Фоменко Л. П. Своеобразие сюжета повестей А. Платонова 20-х годов // Жанрово-стилевые проблемы советской литературы: межвуз. темат. сб. Калинин, 1980. С. 90–102.
67. Эйдинова В. В. Жанровая структура ранних рассказов А. Платонова (первая половина 20-х годов) // Проблемы литературных жанров: материалы второй науч. межвуз. конф. Томск, 1975. С. 128–130.
68. Юртаева И. А. К проблеме трансформации жанра повести // Вестник Кемеровского университета. 2015. № 1–2 (61). С. 193–197.
69. Яблоков Е. Принцип художественного мышления А. Платонова «и так, и обратно» в романе «Чевенгур» // Филологические записки. 1999. Вып. 13. С. 14–27.
70. Ярошенко Л. В. Жанр романа-мифа в творчестве А. Платонова. Гродно: ГрГУ, 2004. 137 с.

References

1. Belinskiy V. G. About the Russian Short Novel and the Short Novels of Gogol ("Arabesques" and "Mirgorod"). In: *Belinskiy V. G. Sobranie sochineniy: v 9 tomakh* [Belinsky V. G. *The Collected Works: in 9 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1976, vol. 1, pp. 138–185. (In Russ.)
2. Belinskiy V. G. Division of Poetry into Genera and Types. In: *Belinskiy V. G. Sobranie sochineniy v 9 tomakh* [Belinsky V. G. *Collected Works: in 9 Vols*]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1978, vol. 3, pp. 294–350. (In Russ.)
3. Berkovskiy N. Ya. About "Belkin's Short Novels" (Pushkin of the 30s and Questions of Nationality and Realism). In: *Stat'i o literature* [Articles About Literature]. Moscow, Leningrad, Goslitizdat Publ., 1962. p. 242–356. (In Russ.)
4. Vanyukov A. I. *Russkaya sovetskaya povest' 20-kh godov: poetika zhanra* [Russian Soviet Short Novel of the 1920s: the Poetics of the Genre]. Saratov, Saratov State University Publ., 1987. 199 p. (In Russ.)
5. Vasil'ev V. *Andrey Platonov: ocherk zhizni i tvorchestva* [Andrei Platonov: An Essay on Life and Works]. Moscow, Sovremennik Publ., 1982. 230 p. (In Russ.)

6. Velikaya N. I. The Genre of the Short Novel in the Works of A. Platonov in the 20s. In: *Problemy literaturnykh zhanrov: materialy nauchnoy mezhvuzovskoy konferentsii* [Problems of Literary Genres: Materials of the Scientific Interuniversity Conference]. Tomsk, 1972, pp. 72–75. (In Russ.)
7. Velikaya N. The Works of Andrei Platonov in the 1920s and the Problem of Narration. In: *Nekotorye problemy russkoy i zarubezhnoy literatury* [Some Problems of Russian and Foreign Literature]. Vladivostok, 1974, pp. 29–45. (In Russ.)
8. Galas'eva G. The Motif of “Leaving-Return” in A. Platonov’s Prose. In: *Problemy poetiki yazyka i literatury* [Problems of Poetics of Language and Literature]. Petrozavodsk, 1996, pp. 132–135. (In Russ.)
9. Geller M. *Andrey Platonov v poiskakh schast'ya* [Andrei Platonov in Search of Happiness]. Moscow, International Intellectual Book Publ., 2000. 432 p. (In Russ.)
10. Golovko V. M. *Poetika russkoy povesti* [The Poetics of the Russian Short Novel]. Saratov, Saratov State University Publ., 1991. 192 p. (In Russ.)
11. Golovko V. M. *Russkaya realisticheskaya povest': germeneytika i tipologiya zhanra* [The Russian Realist Short Novel: Hermeneutics and Typology of the Genre]. Moscow, Stavropol, 1995. 439 p. (In Russ.)
12. Golovko V. M. *Povest' kak zhanr epicheskoy prozy* [Short Novel as a Genre of Epic Prose]. Moscow, Stavropol, 1997. 118 p. (In Russ.)
13. Golovko V. M. *Istoricheskaya poetika russkoy klassicheskoy povesti* [Historical Poetics of the Russian Classical Short Novel]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2010. 280 p. (In Russ.)
14. Golubkov S. Comical in the Prose of A. Platonov. In: *Andrey Platonov: issledovaniya i materialy: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh trudov* [Andrey Platonov: Research and Materials: Interuniversity Collection of Scientific Papers]. Voronezh, 1993, pp. 125–136. (In Russ.)
15. Groznova N. A., Buznik V. V. The Short Novel of the 20s. In: *Russkaya sovetskaya povest' 20–30-kh godov* [Russian and Soviet Short Novel of the 20s–30s]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. p. 73–217. (In Russ.)
16. Gyunter G. *Po obe storony ot utopii. Konteksty tvorchestva A. Platonova* [On Both Sides of Utopia: Contexts of Andrei Platonov’s Works]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2012. 216 p. (In Russ.)
17. Dvoret'skiy A. V. The Problem of Literary Genres in Russian Criticism “on the Eve of Belinsky”. In: *Dvoret'skiy A. V. Izbrannoe* [Dvoret'skiy A. V. Selected Works]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2005, pp. 157–169. (In Russ.)
18. Zavarkina M. V. The Genre Strategy in A. Platonov’s Short Novels of the 1930s. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [Problems of Historical Poetics]. 2015, issue 13, pp. 554–569. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1456407233.pdf (accessed on October 1, 2020). DOI: 10.15393/j9. art. 2015.3402 (In Russ.) (a)
19. Zavarkina M. V. Genre Synthesis in A. Platonov’s Short Novel “For the Future”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2015, issue 13, pp. 589–612. Available at: <https://poetica.pro/files/>

- redaktor_pdf/1456408482.pdf (accessed on September 10, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2015.3401 (In Russ.) (b)
20. Zavarkina M. V. Andrei Platonov in Search of the Genre. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2016, issue 14, pp. 403–416. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482406175.pdf (accessed on September 10, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2016.3941 (In Russ.)
 21. Zamyatin E. About Synthetism. In: *Zamyatin E. My. Roman, povesti, rasskazy, p'esy, stat'i i vospominaniya [Zamyatin E. We. Novel, Short Novels, Short Stories, Plays, Articles and Memoirs]*. Kishinev, 1989, pp. 503–510. (In Russ.)
 22. Zakharov V. N. To Disputes About the Genre. In: *Zhanr i kompozitsiya literaturnogo proizvedeniya [Genre and Composition of the Literary Work]*. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1984, pp. 3–19. (In Russ.) (a)
 23. Zakharov V. N. About the Subject and Plot of the Literary Work. In: *Printsipy analiza literaturnogo proizvedeniya [The Principles for Analysis of Literary Work]*. Moscow, 1984, pp. 130–136. (In Russ.) (b)
 24. Zakharov V. N. *Sistema zhanrov Dostoevskogo: tipologiya i poetika [The System of Genres of Dostoevsky: Typology and Poetics]*. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1985. 208 p. (In Russ.)
 25. Zakharova O. V. The Problem of Genre Differentiation Between Povest' and Novel in Polemics on Dostoevsky in the 1840s. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2019, vol. 17, no. 2, pp. 164–174. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1562066212.pdf (accessed on August 1, 2021). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6802 (In Russ.)
 26. Kozhinov V. V. Novel Is the Epic of Modern Times. In: *Teoriya literatury: osnovnye problemy v istoricheskom osveshchenii: v 3 tomakh [Theory of Literature: the Main Problems in Historical Perspective: in 3 Vols]*. Moscow, Nauka Publ., 1964, vol. 2, pp. 97–172. (In Russ.) (a)
 27. Kozhinov V. V. Genre. In: *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya: v 9 tomakh [The Short Literary Encyclopedia: in 9 Vols]*. Moscow, Soviet encyclopedia Publ., 1964, vol. 2, column 914–1917. (In Russ.) (b)
 28. Kozhinov V. V. The Short Novel. In: *Kratkaya literaturnaya entsiklopediya: v 9 tomakh [The Short Literary Encyclopedia: in 9 Vols]*. Moscow, Soviet encyclopedia Publ., 1968, vol. 5, column 814–816. (In Russ.)
 29. Comments. In: *Platonov A. P. Sochineniya [Platonov A. P. Works]*. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2016, vol. 2: 1926–1927s, pp. 449–681. (In Russ.)
 30. Kormilov S. I. The Short Novel. In: *Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatiy [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]*. Moscow, Intelvak Publ., 2001, column 752–753. (In Russ.)
 31. Kornienko N. The Short Novel by Andrei Platonov as a Philosophical-Psychological Unity. In: *Tselostnost' khudozhestvennogo proizvedeniya [Integrity Artwork]*. Leningrad, 1986, pp. 27–37. (In Russ.)
 32. Kornienko N. V. The Genre Peculiarities of the Short Novel of A. Platonov. In: *Vzaimodeystvie metoda, stilya i zhanra v sovetskoj literature: sbornik*

- nauchnykh trudov* [The Interaction of Method, Style and Genre in Soviet Literature: Collection of Scientific Works]. Sverdlovsk, 1988, pp. 71–80. (In Russ.)
33. Kornienko N. V. The Unfinished Short Novel of Childhood: Text and Context. In: Kornienko N. V. *Istoriya teksta i biografiya A. P. Platonova (1926–1946). Zdes' i teper'* [Kornienko N. V. *History of the Text and Biography of A. P. Platonov (1926–1946). Here and Now*], 1993, no. 1, pp. 119–129. (In Russ.)
34. Kornienko N. V. Platonov's Narrative Strategy in the Light of Textual Criticism. In: «Strana filosofov» *Andreya Platonova: problemy tvorchestva* ["Country of Philosophers" by Andrei Platonov: The Problems of Works]. Moscow, Nasledie Publ., 1995, issue 2, pp. 312–335. (In Russ.)
35. Kornienko N. V. "Boldino Spring" of A. Platonov: Tambov in Life and Works of the Writer. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2015, no. 5 (145), pp. 35–44. (In Russ.)
36. Kornienko N. V. Publication Principles. In: *Arkhiv A. P. Platonova* [Archive of A. P. Platonov]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019, book 2: Description of the Manuscript of the Novel "Chevengur". Dynamic Transcription, pp. 3–8. (In Russ.)
37. Krasovskaya S. I. *Khudozhestvennaya proza A. P. Platonova: zhanry i zhanrovye protsessy* [The Fiction of A. P. Platonov: Genres and Genre Processes]. Blagoveschensk, Blagoveschensk State Pedagogical University Publ., 2005. 392 p. (In Russ.)
38. Krasovskaya S. I., Polyakova L. V. A. Platonov's Short Novel "The Innermost Man": the Conflict of Small and Large Epic Forms. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2005, issue 3 (39), pp. 70–74. (In Russ.)
39. Kuz'min A. I. *Povest' kak zhanr literatury* [The Short Novel as a Genre of Literature]. Moscow, Znanie Publ., 1984. 111 p. (In Russ.)
40. Likhachev D. S. *Razvitie russkoy literatury X–XVII vekov. Epokhi i stili* [The Development of Russian Literature of the 10th–17th Centuries. Epochs and Styles]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1973. 256 p. (In Russ.)
41. Likhachev D. S. "False" Ethical Assessment by N. S. Leskov. In: *Likhachev D. S. Literatura-real'nost'-literatura* [Likhachev D. S. Literature-Reality-Literature]. Leningrad, Sovetskiiy pisatel' Publ., 1981, pp. 158–165. (In Russ.)
42. Likhachev D. S. Not Indifferent Prose. In: *Povest' kak zhanr literatury* [The Short Novel as a Genre of Literature]. Moscow, Znanie Publ., 1984, pp. 3–4. (In Russ.)
43. Malygina N. M. *Andrey Platonov: poetika "vozvrashcheniya"* [Andrei Platonov: the Poetics of the "Return"]. Moscow, TEIS Publ., 2005. 334 p. (In Russ.)
44. Markovich V. M. I. S. *Turgenev i russkiy realisticheskiy roman XIX v. (30–50-e gody)* [I. S. Turgenev and the Russian Realistic Novel of the 19th Century (1830s–1850s)]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1982. 208 p. (In Russ.)
45. Matveeva I. I. Formation of Platonov-Satirist (the Experience of Textual Analysis of the Short Novel "The City of Gradov"). In: *Tvorchestvo Andreya Platonova: issledovaniya i materialy* [Works of Andrei Platonov: Research and Materials]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2008, book 4, pp. 264–280. (In Russ.)
46. Medvedev P. N. *Sobranie sochineniy: v 2 tomakh* [Collected Works: in 2 Vols]. Moscow, Rostok Publ., 2018, vol. 2. 928 p. (In Russ.)

47. Unfinished Short Novel in Letters "Once Loved". In: *Arkhiv A. P. Platonova* [Archive of A. P. Platonov]. Moscow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2009, book 1, pp. 16–22. (In Russ.)
48. Novikova E. G. The Problem of the Small Genre in I. S. Turgenev's Aesthetics. In: *Problemy metoda i zhanra* [Problems of Method and Genre]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 1978, pp. 13–20. (In Russ.)
49. Petrovskiy M. The Short Novel. In: *Literaturnaya entsiklopediya: slovar' literaturnykh terminov: v 2 tomakh* [Literary Encyclopedia: Dictionary of Literary Terms: in 2 Vols]. Moscow, Leningrad, L. D. Frenkel' Publ., 1925, vol. 2, column 596–603. (In Russ.)
50. *Russkaya povest' XIX veka: istoriya i problematika zhanra* [Russian Short Novel of the 19th Century: History and Problems of Genre]. Leningrad, Nauka Publ, 1973. 565 p. (In Russ.)
51. *Russkaya povest' kak forma vremeni* [Russian Short Novel as a Form of Time]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2002. 340 p. (In Russ.)
52. *Russkaya sovetetskaya povest' 20–30-kh godov* [Russian and Soviet Short Novel of the 20s–30s]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 254 p. (In Russ.)
53. Sipovskiy V. V. *Iz istorii russkogo romana i povesti* [From the History of the Russian Novel and Short Novel]. St. Petersburg, 1903, part 1. 351 p. (In Russ.)
54. Skobelev V. P. Poetics of Parody in A. Platonov's Short Novel "The Pit". In: *Andrey Platonov: issledovaniya i materialy* [Andrei Platonov: Research and Materials]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1993, pp. 61–70. (In Russ.)
55. Skobelev V. P. In Hopes for Living Souls (the Short Novel "For the Future" in the Context of Genre Quest of the Writer). In: «*Strana filosofov*» *Andreya Platonova: problemy tvorchestva* ["Country of Philosophers" by Andrei Platonov: The Problems of Works]. Moscow, Nasledie Publ., 1994, pp. 204–217. (In Russ.)
56. *Sovremennaya russkaya sovetetskaya povest' (1941–1970)* [Modern Russian Soviet Short Novel (1941–1970)]. Leningrad, Nauka Publ., 1975. 264 p. (In Russ.)
57. Surkov E. A. *Russkaya povest' pervoy treti XIX veka: genesis i poetika zhanra* [Russian Short Novel of the First Third of the 19th Century: the Genesis and Poetics of the Genre]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat Publ., 1991. 160 p. (In Russ.)
58. Tamarchenko N. D. *Russkaya povest' Serebryanogo veka: problemy poetiki syuzheta i zhanra* [Russian Silver Age Short Novel: the Problems of Plot and Genre Poetics]. Moscow, Intrada Publ., 2007. 256 p. (In Russ.)
59. Tuzkov S. A. *Russkaya povest' nachala XX veka. Zhanrovo-tipologicheskiy aspekt* [The Russian Short Novel of the Early 20th Century. Genre and a Typological Aspect]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2011. 304 p. (In Russ.)
60. Turbin V. Mystery of Andrei Platonov. In: *Molodaya gvardiya*, 1965, no. 7, pp. 293–307. (In Russ.)
61. Tynyanov Yu. N. Literary Today. In: *Tynyanov Yu. N. Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Tynyanov Yu. N. Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 150–166. (In Russ.)
62. Uspenskiy B. *Poetika kompozitsii* [Poetics of Composition]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000. 352 p. (In Russ.)

63. Utekhin N. P. *Zhanry epicheskoy prozy* [*The Genres of Epic Prose*]. Leningrad, Nauka Publ., 1982. 185 p. (In Russ.)
64. Fomenko L. P. To the Question of the Concept of the Hero in the Works of A. Platonov in the 20s. In: *Tvorchestvo A. Platonova* [*Works of A. Platonov*]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1970, pp. 45–55. (In Russ.)
65. Fomenko L. P. Genre Specifics of A. P. Platonov's Short Novels of the 1920s. In: *Problemy literaturnykh zhanrov: materialy vtoroy nauchnoy mezhvuzovskoy konferentsii* [*Problems of Literary Genres: Materials of the Second Scientific Interuniversity Conference*]. Tomsk, 1975, pp. 130–132. (In Russ.)
66. Fomenko L. P. The Originality of the Plot of A. Platonov's Short Novels of the 20s. In: *Zhanrovo-stil'evye problemy sovetskoy literatury* [*Genre and Style Problems of Soviet Literature*]. Kalinin, 1980, pp. 90–102. (In Russ.)
67. Eydinova V. V. Genre Structure of A. Platonov's Early Stories (the First Half of the 1920s). In: *Problemy literaturnykh zhanrov: materialy vtoroy nauchnoy mezhvuzovskoy konferentsii* [*Problems of Literary Genres: Materials of the Second Scientific Interuniversity Conference*]. Tomsk, 1975, pp. 128–130. (In Russ.)
68. Yurtaeva I. A. To the Problem of Transformation of the Genre of the Short Novel. In: *Vestnik Kemerovskogo universiteta* [*The Bulletin of Kemerovo State University*], 2015, no. 1–2 (61), pp. 193–197. (In Russ.)
69. Yablokov E. The Principle of Platonov's Artistic Thinking “And This Way, and Back Again” in the Novel “Chevengur”. In: *Filologicheskie zapiski* [*Philological Notes*]. Voronezh, 1999, issue 13, pp. 14–27. (In Russ.)
70. Yaroshenko L. V. *Zhanr romana-mifa v tvorchestve A. Platonova* [*The Genre of the Novel-Myth in the Works of A. Platonov*]. Grodno, Yanka Kupala State University of Grodno Publ., 2004. 137 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Заваркина Марина Владимировна, *Marina V. Zavarkina*, PhD (Philology), кандидат филологических наук, специалист WEB-лаборатории Института филологии, Петрозаводский государственный университет (г. Петрозаводск, Российская Федерация, 185910); ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7972-2265>; e-mail: mvnikulina@mail.ru.

Поступила в редакцию / Received 12.10.2021

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 14.12.2021

Принята к публикации / Accepted 14.01.2022

Дата публикации / Date of publication 14.02.2022